

ПРЕДВАРЯЯ ПУБЛИКАЦИЮ ДОКЛАДА Ю. М. ЛОТМАНА

Публикуемый с любезного разрешения Эстонского семиотического фонда текст Юрия Михайловича Лотмана имеет особый характер. Это комплексная исследовательская программа, намного опередившая свое время. Ни одна из поднятых в докладе проблем не утратила актуальности, более того, в нем содержатся очень ясные методологические ориентиры. Именно потому, что Лотман видел намного дальше других, эту программу он разрабатывал, по существу, в одиночку.

Если вкратце охарактеризовать основное содержание доклада, в нем в сжатой форме даны не столько результаты, сколько направления исследований процессов смыслопорождения и текстуализации. Хотя в докладе не используется термин «семиосфера» (он появится чуть позднее), в нем схематически обрисованы основные семиотические механизмы организации семиотических систем (языков) и семиотических пространств, описываемых как взаимодействие «семиотических монад» (иногда Лотман использовал иные термины — «семиотическое я», «интеллектуальное устройство» и др.). По сути, в этом докладе даны основные положения новой семиотической теории, в которой основной единицей оказываются не элементы и даже не отдельные тексты или изолированные системы, а именно семиотическое пространство, комплекс смыслов, языков и текстов в их динамическом взаимодействии. Труды Лотмана 1980–1990-х годов принято рассматривать как новое слово в семиотике культуры. Ретроспективно, обращаясь к докладу 1981 года, можно расширить такое понимание — в нем заложены основы новой семиотики, изучающей пространство взаимодействия гетерогенных знаковых систем и механизмов как единый смыслопорождающий организм. Именно поэтому, при том что различным аспектам доклада можно поставить в соответствие развернутые статьи Лотмана, он тем не менее не утрачивает своей новизны. Новой оказывается сама заявленная программа, завершить которую предназначено уже новому поколению и семиотиков, и семиотики.

Возникает вопрос: если мы приписываем этому докладу такую важную роль, почему он так мало известен и публикуется только сейчас? Ведь с 1990-х годов благодаря прекрасной работе исследователей из Тарту и Таллина издано значительное количество архивных текстов. Сам Лотман постоянно обращался к заявленной в докладе проблематике, расширяя и конкретизируя ее. Рискну предположить, что причина отсутствия внимания исследовательского сообщества к этому докладу состоит в том, в чем должен сознаться сам, — в непонимании широты

лотмановского кругозора. Только сейчас мы достигаем понимания концепции семиосферы, тогда как эта тема — лишь одна из конкретизаций проблематики доклада.

Поэтому доклад не только не был опубликован — о нем забыли. Насколько мне известно, впервые он упоминается в работе (Салупере, 2017, с. 88), где на него дана ссылка: *Доклад 13 марта в Институте эволюционной физиологии АН СССР. Таллинский университет. Эстонский фонд семиотического наследия. F 1 (Ю. Лотман). Машинопись*. Впоследствии Калеви Кульв, встретив в докладе мою фамилию, в личной переписке попросил меня прояснить детали, поскольку никаких других сведений у него не было.

По всей вероятности, при расшифровке магнитофонной записи решили, что доклад был прочитан в Ленинграде. На самом же деле, напротив, это ленинградские (питерские) коллеги приехали в Тарту. Обстоятельства таковы. В феврале 1981 года я получил письмо от Юрия Михайловича Лотмана с приглашением принять участие в неформальном семинаре, посвященном проблеме асимметрии мозга и внутрисистемной организации семиотических систем. К письму были приложены тезисы на трех машинописных страницах (впоследствии их основные идеи были опубликованы в (Лотман, 1981а; 1981б; 1981в; 1982)); там же появилась ключевая метафора смысла и текста как «самовозрастающего логоса». Тезисы и вопросы для обсуждения открывали новую перспективу исследований, ориентированных на проблемы текста и смыслопорождения.

Пытаюсь понять, почему я оказался в числе приглашенных — насколько я помню, из неместных филологов был только я (Т. В. Черниговская была среди питерских). В это время (1976—1977 годы) мы с Михаилом Лотманом пытались разработать то, что мы называли основами генеративной поэтики, или общей теорией формальных языков. Идея состояла в том, чтобы определить минимальные условия организации языка, что позволило выделить три простейших случая: с одной стороны, это конечная цепочка, предельным вариантом которой оказывался язык из одного символа, благодаря чему текст и знак совпадают (условно: «картина»), с другой — это две бесконечные цепочки, в одной из которых алфавит был ограничен одним символом («метрика», бесконечный повтор одного и того же элемента), а в другой, наоборот, язык имел открытый алфавит, в нем любой элемент мог стать сегментом, но должен был отличаться от предыдущего («кино»). Предполагалось, что все поэтические системы (поэтики) могут быть выведены из этих трех базисных языков как их «креолизация». Юрий Михайлович был знаком с нашими разработками, хотя, по своему обыкновению, об идее объять необъятное отзывался иронически, с определенной долей скепсиса. Однако сама идея о тексте как результате порождения различными языками лежала в основе его методологии. В современных терминах это можно описать как взаимодействие механизмов рекурсии, трансформации и симметрии.

К сожалению, я и Михаил, оказавшись в разных городах и расставшись с вольной студенческой жизнью, так и не довели эту теорию до завершения. При этом каждый из нас, уважая авторские права другого, не публиковал саму идею, а пользовался уже собственными разработками ее следствий. Однако тогда я, ничего не зная о механизмах мозга, связал это приглашение с моими работами по поэтической семантике, поэтому по согласованию с Юрием Михайловичем сделал доклад на тему «Семантическая структура слова в поэтической речи» (Золян, 1981). Я попытался раскрыть лексические механизмы генерирования и структурирования многозначности. Ленинградских коллег заинтересовала сама процедура, как они выразились, левополушарной обработки результатов правополушарной деятельности. Возможно (если память не подкидывает ложных подсказок), они имели в виду, что семантика поэтического текста может быть выявлена не столько структурным анализом лексических единиц, сколько методом ассоциаций. Юрий Михайлович откликнулся на эту дискуссию несколько необычно — он апеллировал к тому, что помимо ассоциаций, которые могут быть «прочитаны», возможны и непредсказуемые индивидуальные — например, вопреки всем предполагаемым связям слово ассоциируется автором или читателем с... шоколадкой. Про шоколадку помню точно, поскольку этот аргумент я не принял — я тогда считал, что все, что не может быть обосновано, не должно приниматься во внимание. Есть данные языка, они зафиксированы в текстах и опосредованы в словарях, тогда как относительно индивидуального восприятия можно только строить догадки. Видимо, я был куда большим структуралистом, чем Юрий Михайлович, почему несколько удивился тому аргументу, который он привел, «защищая» меня от питерцев.

В стенограмме приведен мой вопрос, на который Юрий Михайлович отвечает довольно пространно. В самом деле, тогда (да и сейчас) отсылка к таинственным механизмам мозга служит заменой научного объяснения, особенно если речь идет о правополушарных механизмах. Это открывало возможность для разного рода фантазий — то ли тогда, то ли позже я даже позволил себе спародировать популярные статьи на эту тему, назвав их «из жанра: там чудеса, там леший бродит». Думаю, поэтому Лотман уделил такое внимание этому вопросу, ответ на который можно увидеть уже в его публикации того же года (Лотман, 1981б).

К сожалению, насколько мне известно, из активных участников-докладчиков семинара кроме меня сегодня остались Михаил Лотман и Татьяна Черниговская. Надеюсь, что отзовутся и другие участники-слушатели. Мы постарались продолжить спустя сорок лет тот диалог. Т. В. Черниговская восстанавливает очень важный контекст той дискуссии и описывает развитие вдохновлявших Ю. М. Лотмана идей. Я попытался дополнить недосказанное им о семиосфере и биосфере, понимаемых именно как результат деятельности, и ответить на вопрос, каким образом развивая семиотическая система и семиосфера в целом выступают как «субъект и сама по себе объект».

Мне кажется, что утверждения Лотмана о гетерогенных языках – механизмах порождения смысла могут получить наглядную иллюстрацию при описании обработки генетической информации. Не участвовавший в том семинаре Григорий Тульчинский, работавший над сходными проблемами интерпретации и семиозиса, смог раскрыть новые аспекты лотмановской концепции смыслообразования.

Так получилось, что непосредственно на публикацию откликнулись тогдашние тридцатилетние и те, кто сейчас старше, чем был тогда Юрий Михайлович. Это особая тема преемственности и развития научного знания, особенно если иметь в виду указанную Лотманом способность текста наполняться новыми значениями в новом контексте.

«Текст, подобно зерну, содержащему в себе программу будущего развития, не является застывшей и неизменно равной самой себе данностью. Внутренняя не-до-конца-определенность его структуры создает под влиянием контактов с новыми контекстами резерв для его динамики» (Лотман, 1999, с. 22).

Доклад Юрия Михайловича был нацелен на будущее. Будем рады, если сегодняшние тридцатилетние продолжат эту дискуссию – чтобы было кому возродить ее спустя полвека.

Думаем, именно это определяет актуальность публикации доклада Ю.М. Лотмана. Мы ограничились самыми поверхностными комментариями, данными в сносках. При публикации сохранен текст машинописи, приведенный в соответствие с нормами орфографии и пунктуации. Убраны несколько чисто технических отступлений или запинок (они отмечены многоточием), в квадратных скобках добавлены проясняющие смысл слова и части слов. Надеемся и на дальнейшие фактографические уточнения. Многочисленные уже опубликованные, а также готовящиеся коллегами из Таллина и Тарту публикации материалов из архивов Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц могут дополнить вышесказанное.

В заключение хотим поблагодарить коллег из Эстонского семиотического фонда, предоставившего разрешение на публикацию этой замечательной рукописи.

Подготовка публикации была поддержана из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

С. Т. Золян